

пали тесно связанные с Дельфами техниты Диониса и, вероятно, правители Пергама, осыпавшие щедротами дельфийское святилище Аполлона. Дельфы, всегда искавшие поддержки сильных в Греции государств, в эллинистический период стремятся к дружественным отношениям с эллинистическими правителями. При этом, наряду с факторами могущества и влияния, большое значение имела политика соответствующих властелинов в области религии и культуры. Наиболее близкими Дельфам в этом плане были Атталиды.

Наряду с этим большое значение во внутренней жизни и внешнеполитической деятельности святилища в III—II вв. до н. э. приобретают техниты Диониса. Разъезжая по всему греческому миру, активно участвуя в панэллинских празднествах, тесно сплоченные в союзы техниты могли быть распространителями не только культурных традиций, религиозных идей, но и определенных политических тенденций. Кровно заинтересованные в технитах для проведения своих празднеств Дельфы всячески покровительствуют им, поддерживают города, дающие прибежище их союзам, и в то же время пытаются использовать свои связи с технитами, чтобы укрепить положение Дельф в эллинистическом мире. Роль дельфийского оракула в распространении асии в эллинистический период, как показывает пример Теоса, не сводилась к пассивной санкции притязаний, связанных с организацией общеэллинских празднеств, а могла обуславливаться интересами самого святилища и связанных с ним технитов Диониса.

ASYLIA IN HELLENISTIC CITIES AND THE POLICY OF DELPHI

L. M. Gluskina

In the Hellenistic period, besides the asyilia of sanctuaries, there appears the practice of declaring whole cities to be *hierai*, as being *asuloi*. Since asyilia was accompanied by dedication of the city to some divinity and the institution of pan-Hellenic festivals in honour of the god, it was natural to call upon Delphi to sanctify the act. While the Aetolian League was in control of the Amphictionia recognition of asyilia by Delphi was accompanied by an appropriate decree of the Aetolians, which gave the recipients of the privilege some measure of protection from assault by Aetolian pirates.

Among the cities granted asyilia at the turn of the 3rd to 2nd centuries Teos stands out. The city was proclaimed a sanctuary of Dionysus, but no pan-Hellenic festival was founded. Yet Delphi, the Amphictionia and the Aetolian League not only recognised the asyilia of Teos but recognised it on an equal footing with the asyilia granted to the *technitai* of Dionysus. No other polis was granted such a privilege. At this time Teos was the home base for the association of the Dionysiac *technitai* of Ionia and the Hellespont. The Dionysiac *technitai* were, like other similar associations, under the special protection of Delphi and had been granted several privileges before this. The Teian decree honouring Antiochus III and Laodice (published by P. Herrmann in 1967) sheds new light on the position of the *technitai* in the city and makes possible a better understanding of Delphi's position. In the Teian decree the privileges granted or confirmed by Antiochus (including asyilia) are regarded as granted by the king for the *technitai* and for the citizens of Teos. The special notice of the *technitai* as a group apart in this context testifies to the important position they held in their own right.

It is known from other sources that the Ionian *technitai* were closely connected with the Attalids, who of all the Hellenistic dynasties had the most friendly relations with Delphi. Since before its subjugation by Antiochus III at the very end of the 3rd century Teos had been a dependency of Pergamon, Delphi's sanction for the city's asyilia might have been obtained through the aid of the Ionian *technitai* and the Attalids, while Antiochus, interested in attracting new subjects, only confirmed (and did not grant, as Herrmann supposes) this privilege, adding others to it. In the example of Teos one may perceive something of the motives and tendencies behind the Delphian policy of sanctioning and encouraging on a wide scale grants of asyilia to the Hellenistic cities.

В. М. Смирин

РИМСКАЯ ШКОЛЬНАЯ РИТОРИКА
АВГУСТОВА ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК

(По «Контroversиям» Сенеки Старшего)

ВЫБОР источника, положенного в основу предлагаемых заметок, определяется не в последнюю очередь его недостаточной изученностью, нечастой для памятников античной словесности. М. Винтерботтом, осуществивший последнее издание текста сочинений Сенеки Старшего¹, отмечает, что комментарии к «Контroversиям» не появлялись с XVIII века, а переводов на новые языки он может назвать лишь два: французский, выполненный А. Борнеком², и свой собственный³. Конечно, вниманием исследователей римской литературы (и специально риторики) Сенека Старший⁴ не обойден⁵, но историки обращаются к его сочинениям редко⁶. Цель настоящих заметок указать на значение «Контroversий» как памятника культуры и показать их своеобразие как исторического источника.

Под «школьной риторикой» или декламацией мы разумеем определенный жанр, распространение которого в Риме началось со школ, и кото-

¹ The Elder Seneca, *Declamations in two volumes*, transl. by M. Winterbottom (Loeb Classical Library), Cambr. Mass.—L., 1974 (далее при ссылках на издателя — Winterbottom).

² *Sénèque le Rheteur, Controverses et suasores trad. par H. Borneque*, 2 vols., P., 1932 (нам недоступно). Винтерботтом рассматривает этот перевод как основной (см. т. I, стр. XXVI).

³ Добавляя к ним еще и английский перевод предисловий Сенеки к книгам «Контroversий» (L. A. Sussman, в «Speech Monographs», 37, 1970, стр. 135—151).

⁴ Далее — для простоты и краткости — Сенека (употребительное наименование Сенека Ритор неточно, так как сам он ритором не был).

⁵ См. библиографию в кн. G. Kennedy, *The Art of Rhetoric in the Roman World*, Princeton, 1972, стр. 312, прим. 14; стр. 322, прим. 22 и ниже, а также Winterbottom, т. I, стр. XXV. Из работ советских исследователей см. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров, в кн. «История римской литературы», под ред. А. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровского, т. I, М., 1959, стр. 514—529; Т. И. Кузнецова и И. П. Стрельникова, *Ораторское искусство в древнем Риме*, М., 1976, стр. 136—173.

⁶ На этот источник нередко ссылаются в своих работах Е. М. Штаерман (Е. М. Штаерман, *Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике*, М., 1964; Е. М. Штаерман и М. К. Трофимова, *Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи*, М., 1971, см. по указателям — рубрикация использованного издания отличается от нынешней), которой мы и обязаны первым интересом к нашему автору.

рый здесь вышел «на публику» на рубеже двух эпох: республиканской и императорской. «Контроверсии» написаны где-то около 37 г. н. э.⁷ — это многочисленные выдержки (более или менее краткие) из разных риториков⁸, сопровождаемые воспоминаниями и замечаниями (пояснительными, критическими) автора-составителя и сгруппированные по темам, представлявшим, таким образом, общее достояние риторики. Материал этот относится к периоду от 30-х гг. до н. э. до Тиберия. В это-то время, согласно Сенеке, и складывается жанр с его специфической терминологией: «И мне ли не знать, — заключает он, — родившейся при мне и знакомое от пеленок» (Contr. I, рг., 12). Но, как указывают⁹, эти слова следует относить не к декламации как таковой, а к ее специфическим формам, связанным с появлением широкого слушателя и любителя. Мы рассматриваем интересующий нас жанр как систему — в том виде, как он отразился в «Контроверсиях»¹⁰, лишь при случае касаясь вопросов его истории.

Первое впечатление от «Контроверсий» как возможного источника исторических сведений — обескураживающее. «Спорные казусы», предлагавшиеся ученикам в школах, уже древними могли восприниматься как нагромождение нелепиц: «Контроверсии предназначаются для старших, но — говоря правду — какие! И сколь неправдоподобно (*incredibilter*) составленные. Ведь предметы, далекие от действительности (*a veritate*), тоже дают повод для декламации. Вот и выходит, что о наградах тиранобойцам, или о возможностях выбора для изнасилованных девиц, или о средствах отвращения чумы, или о грязном распутстве матерей, или о прочем в таком же роде — в школах прения всякий день, а на форуме либо изредка, либо же никогда...» (Тас., Dial. 35)¹¹. Аналогичные тирады встречаем мы на страницах «Сатирикона»: «Потому-то, я думаю, юноши в школах совсем дуреют, что все обиходное, нужное остается зренью и слуху их незнакомо — только пираты, с цепями стоящие на берегу; только тираны, предписывающие сыновьям срубать отцовские головы; только ответы оракулов во время чумы, повелевающие заклать трех — не меньше — девиц; только катышки из слов на меду, да еще деянья и изреченья, сплошь будто обвалянные в кунжуте и маке» (Satyr. I)¹².

Приведенные цитаты взяты из авторов более поздних, чем Старший Сенека, но упомянутые ими темы и мотивы, как и находимые у Квинтиллиана (в Inst. or.) и других, находят полное соответствие или близкие параллели в «Контроверсиях». Видимо, с прочими стандартами жанра, сложившимися на памяти Сенеки Старшего, сформировался и характерный набор тем¹³, устойчивость которого¹⁴ обеспечивалась рутинной

⁷ Winterbottom, стр. XX (со ссылкой на H. V o g n e q u e, Les Déclamations et les Déclamateurs d'après Sénèque le père, Lille, 1902, стр. 24).

⁸ Как риториков-преподавателей («scholastici», «doctores» и т. п.), так и любителей.

⁹ См. Winterbottom, стр. VII; K e n n e d y, ук. соч., стр. 314 сл. О декламации в цicerоновское время ср. ниже.

¹⁰ Следовало бы добавить: и в «Свасориях», потому что книга свасорий, построенная так же, как книги «Контроверсий», входила с ними в одно сочинение: «Сентенции, разделения и расцветки ораторов и риториков».

¹¹ Переводы, за исключением оговоренных случаев, наши.

¹² Подобное слышим мы и от Ювенала (VII, 150 сл.).

¹³ Напротив того, наши сведения о латинской школьной риторике до Сенеки дают несколько иную общую картину: тематический репертуар был шире, а казусы конкретнее (S u e t., De gramm. et rhet. 25; ср. темы для упражнений в Rhet. ad Her. и C i c., De inv.; ср. также М. Л. Г а с п а р о в, Цицерон и античная риторика, в кн. Ц и ц е р о н, Три трактата об ораторском искусстве, М., 1972, стр. 66; K e n n e d y, ук. соч., стр. 92 сл. и 315). Впрочем, отдельные темы (в особенности, видимо, греческого происхождения) и тогда могли быть близки к тому, что мы находим у Сенеки.

¹⁴ Ср. И. М. Т р о н с к и й, История античной литературы, Л., 1946, стр. 367: «Темы переходили из поколения в поколение, от греков к римлянам».

школьного преподавания. Чтобы не быть голословными, приведем пример — один, но достаточно показательный: подробную разработку темы «Пасынок-врач» (в «Контroversиях»: IV, 5) мы находим у современника Антонинов Лукиана в «Лишенном наследства» и очень близкую аналогию встречаем у современника Флавиев Квинтилиана как хорошо знакомую римским школьникам (VII, 2, 17)¹⁵.

Возвращаясь к упрекам школьной риторике типа приведенных выше, отметим, что Квинтилиан вынужден принять немалую часть их, возлагая вину на «обучающих», их «несдержанность и невежество»¹⁶. Он соглашается с тем, что следовало бы приобщить темы декламаций к жизненной повседневности (*adiici ad consuetudinem*), но вступает в полемику с отрицателями всякой связи между декламацией и ораторской практикой, жизнью. Эти люди не понимают-де самого характера этой связи, самих задач декламации. Конечно, и «магов», и «чуму», и «ответы оракулов», и «мачех, свирепей трагических» не найти среди спонсий и интердиктов (т. е. повседневных судебных дел). И все же эти неправдоподобные (*supra fidem*), а точнее говоря поэтические (*poetica*) темы тоже имеют свой смысл. И не только негативный (помогают «спустить испорченные соки», которыми «вспухает» красноречие), но и прямой: они много дают для украшения публичного красноречия, если не судебного, то «эпидейктического» (панегирики и т. п.)¹⁷, где действительность предстает не в своем повседневном виде, но в преображенном — как в сценическом искусстве¹⁸, для которого полный разрыв с «натурой» тоже был бы губителен (Quint., *Inst. or.* II, 10, 4—13).

Мы видим, что порицание общих мест риторики само становится риторическим общим местом (недаром герой Сатирикона называет свои тирады «декламацией» — гл. III)¹⁹, а вопрос о пользе или бесполезности контroversий сам ложится в основу некоего подобия контroversии²⁰. Критика риторики идет по самую риторику проторенному пути. Уже это показывает, сколь глубоко декламация как явление культуры была укоренена в жизни общества и — тем самым — связана с нею. Вопросы о роде этой связи, о мере жизненности римской декламации, о характере отражения в ней действительности — исторической, бытовой, идеологической — и составляют предмет нашего внимания.

Жанр декламации был заимствован римлянами от греков, от которых, видимо, пришли к римским риторам и некоторые популярные темы²¹, подоб-

¹⁵ Указания на параллели взяты нами у Винтерботтома (т. I, стр. 450 сл., прим. 1 сл.), который проследивает очень тонкие расхождения в деталях между «Контroversиями» и Лукианом.

¹⁶ Quint., *Inst. or.* II, 10, 3: *Еo quidem res ista culpa docentium recidit, ut inter graescipuas, quae cogrumperent eloquentiam, causas licentia atque inscitia declamantium fuerit.* Квинтилиан здесь сходится с Петрониевым Эпиколлием, чьи суждения и цитированы выше (ср. также *Satyr.* II — о школьных риториках, «погубивших красноречие»), но встречает возражение другого персонажа «Сатирикона», Агамемнона: «Менее всего виноваты в этом деле учителя (*doctores*), которым поневоле приходится бесноваться среди бесноватых» (там же, III, пер. Б. Ярхо).

¹⁷ Впрочем, Цицерон называл эпидейктическое красноречие, «презираемое и гонимое» среди судебных ораторов, «как бы кормилицей» (*quasi nutrix*) судебного (Ог. 37 и 42).

¹⁸ Собственно, еще конкретней — в искусстве комических актеров (Quint., II, 10, 13). Сравнение панегирика с комедией нашему уху должно показаться насмешкой, но у древних «имитация» бытовой действительности была делом именно комедии (ср. *S. i. c.*, *P. Rosc. Am.* 46—47), а не трагедии, которой принадлежала сфера мифа и общечеловеческого (ср. там же, 66—67).

¹⁹ Ср. Г а с п а р о в, Цицерон и античная риторика, стр. 66.

²⁰ Хотя бы у Петрония.

²¹ См. Win t e r b o t t o m, стр. XIII; ср. также выше, прим. 14.

но тому, как с комедией (утвердившейся на римской почве раньше) пришли и сюжеты, продолжившие потом свой путь в европейской драматургии. Аналогия ²² не формальная: о принципе «имитации», общем обоим жанрам, уже говорилось ²³. К тому же многие ситуации, разрабатываемые в контрверсиях (подкидыши, всякого рода совпадения, мачеха и пасынок, бедняк и богач и т. п.) и соответствующие им характеры уходят корнями в «новую комедию» ²⁴, а то и глубже — в фольклор. На римской почве связь между миром декламации и миром комедии, видимо, тоже сохранялась ²⁵.

Многие темы, известные нам по «Контрверсиям» Сенеки, и в его времена имели хождение у греческих риториков. Таковы «Нищие-калеки» (X, 4), о которых читаем: «Эта контрверсия знаменита у греков» (§ 18) и ниже: «Греческие речения (*sententias*) я привожу для того, чтобы все могли оценить, сколь легок переход из греческого красноречия в латинское...» (§ 23). Таков же, видимо, «Пасынок-врач» (IV, 5 — о разработке этой темы у Лукиана см. выше, прим. 15).

Среди тем есть привязанные к определенным моментам греческой истории и выводящие (порой в неприглядном виде) известных исторических лиц ²⁶ (VI, 5 — «Ификрат перед судом»; VIII, 2 — «Фидий, потерявший руки»; IX, 1 — «Кимон, неблагодарный к Каллию»; X, 5 — «Паррасий и Прометей»). К этим греческим темам с их «мрачным сенсационализмом» ²⁷ приближаются и «исторические» темы на римские сюжеты ²⁸ (IV, 2 — «Слепший Метелл»; VII, 2 — «Поцилий, убийца Цицерона»; IX, 2 — «Фламиний, на пире казнящий преступника») ²⁹, получившие в свою очередь распространение среди греческих риториков (ср. *Contr.* IX, 2, 29: «И на эту контрверсию простерли свою руку греки» ³⁰). Видимо, для

²² Восходящая, как мы видели, к самой древности (ср. прим. 18). Заметим, что Цицерон с его пренебрежением к практике современной ему школьной риторики (*De or.* II, 76 и 100; но не к декламационным упражнениям как таковым — *Tusc. disp.* I, 7 и др.) в речах охотно иллюстрировал (не под ее ли влиянием?) конкретные ситуации «общезначимыми» примерами из комедий (ср. *P. Rosc. Am.* 46—48), точно так же как впоследствии Квинтилиан — отдельные положения теории красноречия примерами из контрверсий (ср. VII, 2, 17). И мотивировка и теоретические обоснования такого иллюстрирования в обоих случаях совпадают. Ср. у Цицерона (*loc. cit.*): «Да и никто не будет вам лучше знаком (*nemo vobis magis notus futurus*), чем помянутый Евтих», «юноша из комедии» — (*comicus adulescens*) и у Квинтилиана (*loc. cit.*): «.. Ибо следует пользоваться и теми примерами, которые лучше знакомы учащимся (*quae sunt discipulis magis familiaria*)»; у Цицерона «Ведь поэты, я думаю, для того-то и сочиняют такое, чтобы мы в чужих лицах имели перед глазами воспроизведение наших собственных черт, запечатленный образ вседневной жизни (*expressamque imaginem vitae cotidianaе*). Ну а теперь обратись к действительности (*ad veritatem*)...» (*P. Rosc. Am.* 47—48) и у Квинтилиана — о декламации, которая дает «самый близкий образ действительности (*veritati proximam imaginem reddit*)» (II, 10, 2).

²³ См. прим. 18.

²⁴ *Winterbottom*, стр. XIII.

²⁵ Так, Дж. Кеннеди (ук. соч., стр. 325) связывает с римской комедией (ателланой, мимом) тип декламаторских сентенций, построенных на метафоре.

²⁶ Согласно Филострату (цит. по Кеннеди, ук. соч., стр. 557), исторические примеры с именами, как и типичные характеры (бедняк, богач, знатные, тираны) были введены в риторику младшими софистами.

²⁷ По выражению Дж. Кеннеди (ук. соч., стр. 315.)

²⁸ К этим темам можно добавить IV, 8 и VI, 4, где конкретной исторической темы нет, но упоминается такая римская историческая реальность, как проскрипция.

²⁹ В Цицероновое время темы, бравшиеся для декламаций из римской истории, отличались более живым политико-юридическим характером — ср. *Rhet. ad Her.* I, 24 (из истории борьбы вокруг аграрного закона Сатурнина) и другие примеры.

³⁰ Разработки «римских» тем известны и в других жанрах греческой риторики. Ср. *Luce* и др., *Her.* 1: «Прорывте Истма... обнаружило в тиране эллинский ум». Контрапункт греческого и римского начал в античной риторике выступает здесь с наглядностью и остротой.

риторики (в отличие от комедии) можно говорить не только о влиянии греков, но (с определенного времени) о взаимовлиянии греческой и римской риторики, если не о слиянии их в единое целое.

«Исторические» темы иллюстрируют не только соотношение греческого и римского элементов в декламации, но и общее отношение декламационного жанра к материалу, заимствованному из жизненной реальности, поэтому остановимся на них подробнее. В качестве примера возьмем римские темы³¹ — они ближе нашим интересам, а их исторический материал менее отдален от времени Сенеки.

Тема *Солтг. VII, 2* формулируется так: «Цицерон защищал Попилия, когда тот был обвинен в отцеубийстве. [Впоследствии] Попилий, посланный Антонием, убил Цицерона, внесенного в проскрипционные списки, и принес его голову Антонию. Обвинен в безнравственном поведении (*de moribus*). Сам Сенека (специально интересовавшийся гибелью Цицерона и сличавший источники³²) по этому поводу замечает: «О Попилии как об убийце Цицерона рассказывают немногие историки,³³ да и те говорят, что Цицерон защищал его не как обвиняемого в отцеубийстве, но в частной тяжбе (*in privato iudicio*). Это декламаторам захотелось (*declamatoribus placuit*), чтобы он был обвиняемым в отцеубийстве» (§ 8). Причина такой трансформации ясна: она дает повод для многочисленных сентенций вроде: «будущий убийца Цицерона и должен был начинать с отца» (§ 1), эффектных словечек, вроде «дважды отцеубийца» — *bis patricida* (§ 5). Жанр] контроверсии требует судебного разбирательства (*actio*), в повод для которого и превращается любой эпизод, кладущийся в основу темы. Такое воображаемое³⁴ судебное дело конструируется и в нашем случае. Далее, когда ритор разрабатывает тему, он волен «расцвечивать»³⁵ ее, придумывая (или заимствуя откуда-нибудь) различные обстоятельства и подробности (вроде того, что Попилий как клиент Цицерона подвергался в войске Антония всяческим издевательствам, пос-

³¹ Точнее, две из них. Для третьей («Ослепший Метелл») мы ограничимся выдержкой из Винтерботтома: «То, что Л. Цецилий Метелл спас Палладий из храма Весты в 241 г. до н. э., представляется достоверным (*L i v., Рег. 19*). Что он ослеп, взглянув на статую, — выдумка декламаторских школ, впервые появляющаяся именно здесь у Сенеки Старшего (со ссылкой на *O. L e u z e*, в «*Philologus*», 64, 1905, стр. 95—115, где «распутаны факт и фикция») — см. *W i n t e r b o t t o m*, т. I, стр. 438, прим. 2.

³² См. *W i n t e r b o t t o m*, т. I, стр. XXII. В своего рода приложении к шестой свасории (которая, как и седьмая, посвящена последним дням Цицерона) Сенека приводит пространные отрывки, описывающие гибель Цицерона, из ныне утраченных книг историков: Тита Ливия, Авфидия Басса, Кремуция Корда, Азиния Поллиона, Бруттедия Нигра (из них упоминает Попилия лишь выученик риторов Бруттедий). Заключает эту свасорию Сенека еще одной подборкой отрывков — надгробных слов Цицерону (из историков, включая поэта Корнелия Севера, писавшего на исторические темы). Взгляд самого Сенеки на соотношение декламации и истории можно понять из «обрамления», которым вводится эта маленькая историческая хрестоматия: «Я не хочу, мои юноши, чтобы вы опечалились моим переходом от декламаторов к историкам, и еще вознагражу вас. Но, может быть, мне удастся чтением этих выдержек, серьезных и правдивых, отвлечь вас [от школьных риторов]. И так как прямым путем мне этого не добиться, я вас обману, как тот, кто собирается давать лекарство детям. Возьмите чашки» (§ 16, ср. заключающий § 27).

³³ Из дошедших до нас лишь современник Сенеки Валерий Максим (V, 3, 4) и более поздние авторы: Плутарх (*Cic. 48*) и Кассий Дион (47, 11).

³⁴ См. *W i n t e r b o t t o m*, т. II, стр. 50—51, прим. 1—2. *Actio de moribus* существовала в Риме, но сфера ее ограничивалась бракоразводными делами.

³⁵ «Расцветкой» (*color*) — русский термин предложен М. Л. Гаспаровым) называлась предлагаемая ритором особая интерпретация темы, основанная не только на ее формулировке, но и на дополнительно придумываемых самим ритором смягчающих или отягчающих обстоятельствах.

ледним из которых и было поручение убить патрона — § 12, «расцветка» Бутеона). Таким образом, заимствуемый из историков основной эпизод свободно трансформируется и пополяется придумываемыми подробностями в соответствии с нуждами жанра и декламатора. Из такого обращения с материалом ясно, что достоверность основного эпизода тоже была безразлична для риториков. И действительно, для греческих «исторических» тем, кажется, всегда можно говорить о нем как о фикции³⁶, для которой, впрочем, всякий раз, можно найти какую-то опору или «защелку» в традиции³⁷.

Вернемся на римскую почву. Риторика — при всем своем самоуправстве — не только черпала из истории. Их взаимодействие было сложнее. Для его понимания много дает *Contr.* IX, 2 («Фламинии»), для которой мы можем проследить историю двух версий эпизода, положенного в основу темы.

Итак, речь идет о Л. Квинции Фламиние, консуле 192 г. до н. э., исключенном из сената в цензорство Катона Старшего (184 г.). Тема контроверсии сформулирована так: «Прокогнсул Фламиний за обедом по просьбе блудницы, говорившей, что никогда не видела, как обезглавливают человека, убил одного из осужденных. Его обвиняют в оскорблении величия [римского народа]». Этот эпизод хорошо известен. Ливий (39, 42—43) передает его в двух версиях. Положенную в основу нашей темы он приписывает Валерию Анциату³⁸, а источник ее характеризует как «невестей вымысел» (*fabula sine auctore edita*). Анциатовой версии у Ливия противопоставлена другая (со ссылкой на речь самого Катона, обосновывавшую решение цензоров рядом примеров), отличающаяся по фактам (убит не осужденный, а галл-перебежчик; в угоду не блуднице, а блуднику и т. п.), но близкая по общему смыслу (рассказ Анциата охарактеризован самим Ливием как *aliud argumentum simile tamen et libidine et crudelitate*). Заметим, что версия Анциата, лучше отвечающая стандартам риторики, всегда избегавшей излишней конкретности³⁹, получила более широкое распространение. Именно ее Цицерон (*De sen.* 42) влагает в уста самому Катону, речей которого он вряд ли мог не читать (в чем Ливий обвиняет Анциата); ее мы встречаем у Валерия Максима (II, 9, 3) и — в контаминации с другой версией — у Плутарха.

Вот этот-то последний пример наиболее интересен для нас и по нашим понятиям даже парадоксален. Плутарх излагает эпизод с Л. Фламинием дважды (*Sato Mai.* 17; *Flam.* 18). Ему известно изложение Ливия и Цицерона, Катона (по Ливию, как он сам указывает) и Анциата (видимо, тоже по Ливию). Плутарх ссылается на всех четверых. И вот, он не только оказывается «неспособен» выбрать (даже по подсказке Ливия⁴⁰) единст-

³⁶ Ср. К е п е д у, ук. соч., стр. 315 и примечания Винтерботтома к соответствующим контроверсиям.

³⁷ Так, в X, 5 («Паррасий») в какой-то мере историчен фон, как и определенная характерная черта персонажа (интерес Паррасия к выражениям лица) — см. *W i n t e r b o t t o m*, т. II, стр. 448 и т. I, стр. 414 сл.

³⁸ Превращаясь в тему для контроверсии, рассказ претерпевает лишь одну стандартную трансформацию: исключение из сената заменяется (только здесь) на *actio laesae maiestatis* (так как для целей контроверсии требуется именно *actio*). Повод для этого мог быть дан традиционной оценкой преступления Фламиния как озорившего римскую власть (*C i c.*, *De sen.* 42: *imperii dedecus*; *V a l. M a x.*, II, 93: *quod amplissimi honoris maiestatem tam taetro facinore inquinaverat nec pensi duxerat*; см. также прим. 40).

³⁹ В данном случае — таких шокирующих подробностей, как вероломное убийство высшим римским магистратом перебежчика, явившегося к римлянам с женой и детьми, вызвавшего к римскому народу, и т. п.

⁴⁰ Впрочем, и с Ливием не так просто: он, отвергая достоверность Анциатовой версии, считает нужным изложить и ее рядом с принимаемой им, а оценку поступка сформулировать так, чтобы она подходила к обоим: *L i v.*, 39, 43, 4: «Преступление,

венную аутентичную версию, но — больше того — вступает в прямую полемику с Катонем историческим⁴¹, противопоставляя ему Катона литературно-риторического — персонаж Цицеронова диалога. Именно этот изображенный Катон, чей авторитет освящен авторитетом «оратора Цицерона» (*Kikérων ὁ ῥήτωρ*)⁴², оказывается для античного писателя подлинней подлинного⁴³. Риторизованная версия — упрощенная до декламаторской темы — на наших глазах одерживает верх над первоисточником.

Пример этот, думается, многозначителен, для нас же сейчас важно одно: риторические фикции (по крайней мере, в области истории) не воспринимались как противоречащие нормальному порядку вещей. Больше того, риторическая обработка с ее заведомым произволом даже приближала предмет к существовавшему в общественном сознании «образу правдоподобности».

Причем такая направленность обработки была отнюдь не бессознательной. Приведем определение (описательное, а потому пространное) «правдоподобия» (*verisimilitudinis*), какое дает (не расходясь, как он подчеркивает, с другими авторитетами) автор «Риторики к Гереннию» (I в. до н. э.): «Изложение (*narratio*) будет правдоподобным, если мы будем говорить, сообразуясь с требованиями обычая (*mos*), [общего] мнения (*opinio*), природы (*natura*); если статочны будут сроки времени, положения (собств. *dignitates*) лиц, объяснения решений, условия (собств. *opportunitates*) мест, — так чтобы нельзя было в опровержение сказать, что времени-де было мало, что не было-де никакой причины или претерпеть» места, что сами-де люди эти не могли подобного сделать или претерпеть» (*Rhet. ad Her. I, 16*). Обратим внимание и на выводимые отсюда практические рекомендации: «Если дело будет доподлинное (*res vera*), все это, тем не менее, следует соблюдать в изложении, ведь часто действительность (*veritas*), если этого не соблюсти, не внушает доверия (*fidem non potest facere*); если же дело будет вымышленным (*ficta*), тем более следует соблюдать эти требования» (там же).

Для нас существенно, что требованиям конкретно-логическим (не допустить абсурда в характеристике места и времени, причин и лиц) предпосылается указание на общие реальности, с которыми следует считаться (*mos, opinio, natura*), и что в числе этих реальностей по крайней мере одна (*opinio* — «мнение») — субъективная⁴⁴ (общественно-субъективная), которой в изложении должна быть подчинена объективная действительность. Это означает допустимость осознанного зазора между правдой и

было ли оно совершено так, как говорит в своих обвинениях цензор или так, как передает Валерий [Анциат] — зверское и отвратительное...» и т. д.

⁴¹ В биографии Тита Фламиния (*Plu t., Tit. 18*): «Похоже, что Катон преувеличивает, чтобы усугубить обвинение (*τοῦτο μὲν οὖν εἰκὸς εἰς δεινῶσιν εἰρησθαὶ τῆς κατηγορίας ὑπὸ τοῦ Κάτωνος*)».

⁴² Там же: «... καὶ Κικέρων ὁ ῥήτωρ ἐν τῷ περὶ γῆρας αὐτῶ Κάτωνι τὴν διήγησιν ἀναθεὶς εἰρήκεν», *Plu t., Cat. mai. 17*: «καὶ ὁ γε Κικέρων αὐτὸν τὸν Κάτωνα διηγούμενον ἐν τῷ περὶ γῆρας διαλόγῳ πεποιήκεν».

⁴³ Заметим, что и, передавая рассказ о Попилли, Плутарх (*Cic. 48*) предпочитает риторскую версию с обвинением в отцеубийстве (вымышленную, как пишет Сенека, декламаторами — см. выше).

⁴⁴ Впрочем, и среди «конкретно-логических» требований были не только формально-логические (объективные), но и социальнологические (субъективные). Таково требование считаться с *personarum dignitates* (мы переводим условно: «положения лиц»), вание считаться с существующими представлениями о том, что может и чего не может сделать. е. на деле с существующими представлениями о том, что может и чего не может сделать лицо определенного социального ранга. (Не с этим ли связано превращение перелача в осужденного в рассказе о Фламинии? *Dignitas* консула была под охраной «правдоподобия»). Мотивы действий, с точки зрения этой логики, тоже будут разными, скажем, у отпущенника (даже императорского) и сенатора.

правдоподобием. Выбор риторики, а с нею и слушателя — в пользу последнего. Искажение действительности могло восприниматься ими как ее исправление⁴⁵.

Кроме исторических реалий и фикций, в «Контroversиях» доступны обозрению и юридические.

Большинство тем «Контroversий» сопровождается формулировкой «закона», которым должен руководствоваться ритор при разработке. «Законы» эти, как показал С. Ф. Боннер⁴⁶, можно разделить на римские (большинство), греческие и фиктивные (единицы). Для некоторых вопрос о природе их спорен⁴⁷, но нас интересует не количественное соотношение указанных категорий, а их сосуществование и соотношение внутри некоего целого.

Многие из упомянутых законов могут быть отнесены и к греческим и к римским или, будучи греческими по происхождению, находят у римлян более или менее отчетливые параллели (III, 6: «Причиненный ущерб да будет предметом иска»; IV, 2: «Жрец не должен иметь физических недостатков»; X, 6: «Вору да не будет дозволено выступать перед народом» и др.). Столь же, впрочем, свободно используются римскими риториками и греческие законы, для которых римские параллели не обнаруживаются (I, 1 и VII, 4 о тюремном заключении для детей, отказывающихся родителям в поддержке⁴⁸, II, 5 — *δίκη ἀχαριστίας*⁴⁹).

Из чисто римских законов один прямо поименован в тексте декламации — Contr. III, 9: «К тебе взываю, Корнелиев закон (об убийцах и отравителях. — В. С.), вот хозяин приказывает сделать то, что ты запрещаешь». Этот случай, кажется, единственный, и формулировка закона не предпослана теме (может быть, ввиду общеизвестности?). Прочие «законы» римского происхождения можно подразделить на те, каким исследователь находит аналогии в римском праве, и те, каким — в римской практике. К первым можно отнести, скажем, IV, 8 («Сделанное под насильем или из страха пусть считается недействительным» — из преторского эдикта); V, 5 («Ущерб, причиненный умышленно, пусть возмещается в четырехкратном размере, неумышленно — в однократном» — формулировка возводится к римскому законодательству до 287 г. до н. э.); VI, 2 («Запрещается предоставлять кров и пищу изгнаннику» — часть формулы «*aquae et ignis interdictio*»); VI, 3 («Старший сын пусть делит наследие, младший — выбирает себе долю» — формулировка возводится к XII таблицам). Ко вторым можно отнести, например, V, 7 («Ночью в военное

⁴⁵ Подобная тенденция, как мы видели, была не чужда и античным (в особенности римским) историкам, что объясняется не их «некритичностью», но иным, чем у нас, представлением о смысле и задачах истории (никогда, кстати сказать, не порывавшей с риторикой). См. С. Л. Утченко, Некоторые тенденции развития римской историографии (III—I вв. до н. э.), ВДИ, 1969, № 2, стр. 66—74; о н же, Римская история и римские историки, в сб. «Историки Рима», М., 1970, стр. 20 сл.

⁴⁶ S. F. Bonner, *Roman Declamation*, Liverpool, 1949. Мы цитируем по примечаниям Винтерботтома ad loc.

⁴⁷ Так, «закон» «убийца пусть остается непогребенным» (VIII, 4), по Боннеру, мог быть вышедшим из употребления римским; по Винтерботтому (т. II, стр. 192, прим. 2), он «звучит, пожалуй, скорее как греческий».

⁴⁸ Римские параллели этому закону, по Боннеру, неизвестны для времени до II в. н. э.

⁴⁹ Римское право не знает «дела о неблагодарности» в общем смысле, как оно понималось риториками, но лишь в узко специфическом (дело, возбуждаемое отцом семейства против эманципированного сына или дочери, либо против отпущенника — A. Веггер, *Encyclopaedic Dictionary of Roman Law*, Philadelphia, 1953, стр. 501, s. v. *ingratus*). См. также S e n. De benef. III, 6, 2: «Кроме как у македонян, ни у одного народа не существует судебного преследования неблагодарных (*adversus ingratum actio*)».

время открывать ворота запрещено»; «В военное время вся власть должна принадлежать полководцу» — оба «закона» из римской военной практики⁵⁰) или V, 8 («Кандидату да будет дозволено говорить против другого кандидата»). Грань между этими двумя категориями, конечно, условна (о самой «римской практике» подчас приходится судить по памятникам права⁵¹), но все же можно отметить, что и в примерах, связанных с определенными юридическими реалиями, формулировка «закона» отнюдь не всегда заимствуется из права.

Наряду с «законами», о происхождении или применимости которых можно рассуждать, среди раторов имели хождение законы явно фиктивные. В качестве примеров можно указать на I, 8 («Совершивший три подвига храбрости освобождается от военной службы»); II, 3 («Похититель да погибнет, если в течение тридцати дней не умолит как своего отца, так и отца похищенной»); VIII, 2 («Святотатцу да отсекут руки»); IX, 4 («Кто ударит отца, у того да будут отсечены руки»); X, 2 («Храбрец пусть выбирает в награду, что захочет, а если их будет несколько, пусть состязаются перед судом»). Для таких «законов» Боннер не может привести ни римских, ни греческих параллелей, но для многих из них находятся параллели в других декламациях. Видимо, эти «законы», «действовавшие» лишь в условно-риторическом мире⁵², представляли собой собственное и общее достояние раторов.

Условно-риторический мир имел не только собственные (рядом с заимствованными) «законы», но и собственную квазиюридическую терминологию, которая подчеркнута разнилась от действительно юридической судебной. Как объясняет Квинтилиан (VII, 4, 11) «*abdicati a parentibus*» (лишенные наследства родителями) школьных упражнений — это то же самое, что «*exheredati*»⁵³ судебных дел, рассматриваемых центумвирами⁵⁴; школьные «дела» о «дурном обращении» (*mala tractatio*) — это то же, что «тяжба между супругами, по которого из них вине произошел

⁵⁰ Впрочем, как отмечает Боннер, первый из них упоминается в качестве закона и в *Cicero, De inv.* II, 123 (с риторическим примером, близким теме нашей контроверсии), а также находит параллели у греческих раторов.

⁵¹ Так, казус, описанный в X, 1 (сын бедняка, найденного убитым, стал в траурной одежде следовать по пятам его богатого недруга, который, потерпев неудачу на выборах, возбудил дело о диффамации), по Боннеру, соответствует римской практике, о чем свидетельствует *Dig. XLVII, 10, 15, 27*, где «ношение траурной одежды для нанесения ущерба чьей-либо популярности» упоминается в числе примеров.

⁵² Кассий Север, известный оратор и остроумец Августа времени, как-то воспользовался такими «законами» для издевательств над ритором Цестием Пием, которого он преследовал за то, что тот притязал на превосходство над Цицероном; Кассий Север дважды подавал на него в суд: один раз «по закону о неупомянута злодеянии» — *lege inscripti maleficii* (условная формула, бывшая в употреблении у раторов — *Quint. VII, 4, 36: ...finguntur in scholis et inscripti maleficii*), другой раз — по обвинению в «неблагодарности» (юридически невозможному — см. прим. 49). Несве- дущий в праве и в судебной практике ритор так испугался «неупомянутого злодеяния», что стал искать заступников. — *Contr. III, pr., 17*. Об «обвинениях», предъявляемых Кассием Севером Цестию см. *Winterbottom, ad loc. (t. I, стр. 389, прим. 5, ср. стр. 471, прим. 1)* и *Кеннеди, ук. соч., стр. 329, прим. 40*.

⁵³ Ср. употребление термина «*exheredare*» в *Cicero, De orat. I, 175*. Пример, приводимый здесь, казалось бы, похож на встречаемые в контроверсиях (о некоем воине «пришло домой ложное известие, что он погиб. Отец его, поверив этому, изменил завещание и назначил наследника по своему усмотрению, а впоследствии умер и сам. Воин воротился домой и начал искать отцовское наследство законным порядком как сын, устраненный от наследства по завещанию» — пер. Ф. Петровского), но это задача не для ратора, а для юриста («может ли сын считаться устраненным от отцовского наследства, если отец не поименовал его в завещании ни как наследника, ни как лишнего наследника?»). Соответственно и терминология здесь не риторическая, а юридическая (не «*abdicatus*», а «*exheres*»).

развод»; дела о «слабоумии» (*dementiae*)⁵⁵ — это то же, что «иски о назначении опекуна» (*petendi curatoris*)⁵⁶. Последнее разъяснение мы находим и у самого Сенеки Старшего: «hoc autem in foro esse curatorem petere quod scholastica dementiae agere» (*Contr.* II, 3, 13)⁵⁷.

Встречаем мы в «Контроверсиях» и неюридические формулировки⁵⁸ и выражения⁵⁹. Но ловить риторику на юридических ошибках было бы бессмысленно уже потому, что принятая в ней эклектическая мешанина «законов» просто несовместима с последовательным применением тонко разработанного римлянами права⁶⁰. Поэтому можно говорить лишь о предельном упрощении общих контуров «судебного разбирательства» для нужд риторики. Для создаваемой ею *imago veritatis* доставало самых простых юридических схем⁶¹.

И все-таки мера допустимой условности существовала. Показать ее проще всего на примере из другой области. «Сентенция Спарса при описании живописи, — пишет Сенека, — неудачна (*habet aliquid corrupti*): „И всякий раз, как нужна была кровь⁶², пользовался человеческой“. Ведь он сказал то, чего быть не может» (*Contr.* X, 5, 23). Это стремление избежать абсурда, в чем бы он ни проявлялся⁶³, возвращающее нас к охарактеризованному выше принципу «правдоподобия», и служило корректирующим началом. Так, если формулировка темы содержала неправдоподобную юридически деталь (III, 9: «Раб обращается к трибунам»⁶⁴), то разрабатывая тему, ритор чувствует себя обязанным сгладить неловкость, для чего апеллирует, если не к праву, то по крайней мере, к каким-то примерам, связанным с ходячими представлениями⁶⁵. «Рабу,

⁵⁵ У Цицерона при описании сходных ситуаций мы встречаем термины очень близкие, но все-таки другие: «*amentia*» (*P. Rosc. Am.* 40), «*desipientia*» (*De sen.* 22). Не избегает ли Цицерон намеренно стандартной терминологии риторов?

⁵⁶ Также и Цицерон (*De sen.* 22), рассказав, видимо, риторического происхождения анекдот о Софокле, которого сыновья якобы «привлекли к суду, надеясь устранить его от управления имуществом как слабоумного», поясняет: «Ведь и по нашему обычаю (*nostro more*) отцам, дурно управляющим семейным имуществом, запрещают распоряжаться им (*male rem gerentibus patribus bonis interdici solet*)» (пер. В. Горенштейна). Юридический термин для обозначения сумасшедшего, нуждающегося в опеке, был: «*furiosus*» (*Verger*, ук. соч., s. v. *cura furiosi, demens*).

⁵⁷ И это, видимо, популярное у риторов разъяснение было «обыграно» Кассием Севером, когда он шутил свои шутки над ритором Цестием (см. выше, прим. 52). Сам Кассий Север рассказывал об этом так: «Наконец, я перед городским претором потребовал назначить ему опекуна (конечно, имея в виду, „обвинение в слабоумии“). — *В. С.*) Вмешавшимся его друзьям, которые сбежались на это зрелище, я на их просьбы ответил, что больше не буду к нему приставать, если он под присягой заявит, что уступает в красноречии Цицерону. Но ни шуткой, ни по-серьезному нельзя было от него этого добиться» (*Contr.* III, рг., 17).

⁵⁸ Ср. выше о VII, 2 или ниже о III, 9.

⁵⁹ Неюридичен и сам термин «*maleficius*» в формулировке упоминавшегося уже (см. прим. 52) «закона».

⁶⁰ Ср. *Cicero*, *De orat.* I, 197: «Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно — прямо-таки до смешного! — гражданское право всех народов, кроме нашего. Об этом я не устаю твердить..., противопоставляя мудрых наших соотечественников всем прочим людям и особенно грекам» (пер. Ф. Петровского).

⁶¹ Ср. *Kenpedy*, ук. соч., стр. 332 сл.

⁶² Исследователи видят здесь намек на название краски «драконова кровь» (см. *Wintertottom*, т. II, стр. 471, прим. 2).

⁶³ Еще пример: «И ты порочнейшую (сентенцию. — *В. С.*), на которую многие нападали: „Потому-то, мол, ее (ослепшей матери. — *В. С.*) участь плачевней, что плакать она не может“, и еще раз: „Слез у матери нет, а причины для слез есть в избытке“. Как будто слепые не могут плакать» (*Contr.* VII, 4, 9).

⁶⁴ Е. М. Штаерман («Расцвет рабовладельческих отношений...», стр. 168) и М. Винтерботтом (т. I, стр. 419) указывают еще на несколько подобных примеров в римской риторике.

⁶⁵ В этой связи был бы очень интересен «разбор» (см. ниже) темы, но контроверсия третьей книги дошли до нас лишь в эпитоме.

мол, трибуны помогать не могут. — Рабыней рожденный был у нас царь, по доносу раба открыт был преступный стговор детей Брутовых с Тарквиниями»⁶⁶.

Далее⁶⁷, если в темах и «законах» риторика была к правовым реалиям как таковым равнодушна, то риторские «разделения» (или «разборы» — *divisiones*) вводят в нее и эти реалии и рассмотрение «правовых вопросов» (*quaestiones iuris*). Именно здесь видит Винтерботтом «прочное связующее звено между декламацией и реальностью»⁶⁸.

Конечно, и тут дело не просто. Так, если «закон» о «кормлении родителей» был, как полагает Боннер, греческого происхождения и не находил аналогий у римлян⁶⁹, то «разборы» в *Contr. VII, 4* («Слепая мать, удерживающая сына»), в той мере, в какой они затрагивают правовые вопросы⁷⁰, пытаются применить реальные правовые нормы к толкованию квазиюридической фикции (какую представлял собой этот закон на римской почве). Привлекаемые ритором правовые реалии выбираются ими, видимо, произвольно, откуда и разногласия выводов⁷¹ (к тому же в какой-то мере и заданная, ведь всякий ритор ищет свою трактовку темы). Не обязательно, конечно, принимать всерьез все юридические экскурсы раторов⁷², но ясно, что в любом случае они не должны были немотивированно расходиться с представлениями слушателей о порядке вещей.

В «разборах» риторы могли рассматривать тему со стороны права (*ius*) и со стороны «справедливости» (*aequitas*), а порой и обыгрывать выявляющуюся при этом противоречие между двумя подходами. Латрон в «Нищих-калеках», отвлекаясь от «общегуманистической» эмоциональной стороны темы, критикует рутинную неюридическую разработку ее. «Сперва следует установить преступление, а затем уже искать виновного. Причинен ли вред государству, этого обычно не доказывают доводами» (*Contr, X, 4, 11*). Состав преступления, поименованного в изложении темы (*crimen rei publicae laesae*), он не находит в рассматриваемом казусе. Он идет, однако, и дальше, доказывая, что бесчеловечные поступки могут быть вообще ненаказуемы по закону: «Имярек может не быть добропорядочным как человек, но быть невиновным как подсудимый» (*Contr. X, 4, 11*, см. также 12—13)⁷³. «Юридический разбор» темы оказывается средст-

⁶⁶ О Сервии Туллии как «общериторическом примере» см. *Winterbottom*, т. I, стр. 420 ad loc. (в «Контroversиях» этот царь упоминается всегда в той же связи — ср. I, 6, 4 и VII, 6, 18); другой пример (о рабе, открывшем сенату заговор сыновей Брута) мы находим у выученика декламаторов — Ювенала (VIII, 261—267).

⁶⁷ В приведенных двух-трех примерах различимы все три члена «формулы» правдоподобия: *natura, mos, opinio*. Примеры насчет «крови» и слез демонстрируют нарушение требований «природы», нарушенная в самой теме *Contr. III, 9* правовая реальность относится к сфере «обычная», а прикрывающие это нарушение ходячие примеры — к «*opinio*».

⁶⁸ Эти «*divisiones*», как отмечает Кеннеди (ук. соч., стр. 325), не имеют отношения к построению речи, но представляют собой логические «разделения» темы на основные вопросы.

⁶⁹ См. выше.

⁷⁰ Латрон исполнял эту контroversию как пеликом относящуюся к сфере долга и не касался правовых вопросов вообще (*nullas quaestiones iuris inseruit.* — *Contr. VII, 4, 3*).

⁷¹ Гиспон Романий, исходя из того, что «сын в фамилии может служить только отцу», отдает предпочтение правам отца; Силон Помпей, исходя из того, что общим достоянием распоряжается тот из двоих, кто присутствует, а отец, захваченный пиратами, вместе со свободой потерял и гражданство, считает, что у отца нет вообще никаких прав и т. п. (*Contr. VII, 4, 4 sq.*).

⁷² Так, Сенека находит «дуррацким» и сам вопрос, поставленный Бутеоном («относится ли закон о кормлении родителей только к отцам?») и сопровождающий его разбор («рассуждение слишком нелепое, чтобы с ним спорить») (*Contr. VII, 4, 3*).

⁷³ Аналогичен ход мысли в «разборах» Галлиона в той же контroversии (*X, 4, 14*) и в «Паррасии» (*X, 5, 13—16*).

вом для извлечения риторического эффекта из столкновения материала рутинно-риторического и «жизненного».

Это слово мы пишем в кавычках, потому что под ним подразумеваются не конкретные факты или обстоятельства, но правовые категории и ряд общих мест — стандартных образов узаконенной несправедливости («...И ланиста, который принуждает юношей биться, не осуждается за причинение вреда государству; и сводник, который принуждает несогласных претерпевать срам, не вредит государству» — там же, 14). В контексте, однако, этот сплав отвлеченностей и общих мест представляет живую действительность, противостоящую пустым словоизвержениям: «Если я разрушаю мой дом, неужели ты скажешь, что я врежу государству? А можешь ведь описать, сколь бесчеловечно эти вот стены, возведенные предками и сохранившиеся до нас, разрушать, уподобляясь врагу!» (там же, 12).

Здесь у Латрона эти «жизненные» общие места служат его критике неюридической риторики. Но они могут получать и иное звучание. У Лабiena (см. там же, 17) те же, по существу, стандартные образы, развитые и заостренные, объединенные вокруг еще одного общего места риторики — обличения богатства⁷⁴ — организуются в насквозь риторический, но соответствующий с определенным настроением эпохи и тем самым тоже жизненный образ *saeculi vitia* — «пороков века», на фоне которых отдельное преступление вообще не заслуживает внимания: «Выступив в таком роде гонителем пороков века, он, найдя превосходный поворот речи, оправдывает грязного и бесчестного обвиняемого безнаказанностью более тяжких преступлений» (там же, 11). При такой постановке вопроса ритором теряют смысл (и соответственно жизненность) уже правовые разыскания.

Приведенные выше примеры достаточно наглядно показывают сложность взаимных отношений между традиционными темами, общими местами и юридическими реалиями в системе риторики и создаваемой ею *imago veritatis*. Грань между общим стилем логики школьного и судебного красноречия была современникам очевидна, но порой трудно уловима: «По утверждению Поллиона Азиния, Латрон кажется похожим на судебного оратора именно потому, что избегает не идущих к делу вопросов, а между тем ничто другое так не обличает в нем школьного ратора» (Contr. II, 3, 13).

Заслуживает внимания в интересующей нас связи и пример вторжения мотивов школьной риторики в область судебного красноречия, какой можно увидеть в деле Секста Росция Америкского (Cic., P. Rosc. Am.). Широкое вторжение школьной риторики в культурно-общественную жизнь Рима при Августе обычно связывают с концом политического красноречия. Нетрудно, однако, видеть (хотя бы из Suet., De gramm. et rhet. 25—29), что мода на декламацию распространилась среди людей форума уже во времена Цицерона⁷⁵. Недаром, как отмечает Сенека (Contr. I, pr., 12) само слово «декламация» «нельзя найти ни у одного древнего автора до Цицерона и Кальва». В речи за Росция мы его, по крайней мере, находим (§ 12, ср. ниже).

В этом деле ложное обвинение, вымышленное неким Эруцием в угоду заинтересованным лицам, очень напоминает вариацию на распространенные школьные темы: отцеубийство (приписывавшееся обвиняемому)

⁷⁴ Ср. Contr. II, 1, 26: «В этой контрверсии он (Гай Вибий) добился, чего желал: внушить нам ненависть к богатству; ведь он раз за разом обрушивал на нас свое „Богатство я хочу описать...“ и т. д. Противоположный тезис в V, 2: «Ненависть к богатству — пустая спесь (*vanum gloriae genus odium divitiarum*)». Образцы обличений богатства см. в II, 1, 10 сл.; 26; V, 5 и др.

⁷⁵ См. Winterbottom, т. I, стр. VII—IX.

и лишение наследства (якобы предполагавшееся — § 52)⁷⁶. Цицерон в защитительной речи сразу показывает, что он отнюдь не намерен ограничиваться рамками подобных упражнений и начинает с неожиданного для противной стороны прямого указания на скрытые пружины и политический смысл дела. Но (поскольку опровержение доводов обвинителя входит в состав его задачи) от риторского состязания не отказывается. Цицерон нигде прямо не попрекает Эруция школьным духом его сочинительства⁷⁷, но, постоянно напоминая о вымышленности обвинения⁷⁸, нежелании обвинителя считаться с реальностью⁷⁹, то подчеркивает, что отцеубийство (мотив, как мы видели, распространенный у раторов) в жизни — преступление исключительно редкое (§ 38, 61—72), то предлагает (чтобы тут же отвергнуть) «встречную» вариацию на школьную тему: «Не был ли умалишенным отец?» и заключает тем, что обвинитель какую-то часть в своей речи вообще «декламировал»⁸⁰ не по тем заготовкам (§ 82). На протяжении § 37—82 (не более трети речи) Цицерон спокойно и с блеском расправляется с Эруцием на почве вымышленного тем обвинения, попутно не переставая поучать Эруция основам риторики⁸¹. В этой части речь Цицерона обильно украшена риторическими общими местами, декламационными отступлениями и т. п.⁸² Завоевав всем этим успех у публики⁸³, Цицерон на половине своей речи расстается и с Эруцием и с его *crimen confictum* — § 35) настоящее (*certum crimen* — § 83) — против действительных преступников. Контраст между тем и другим выступает у Цицерона как контраст между оторванной от конкретности декламацией и

⁷⁶ Чтобы убедиться в чрезвычайной популярности этих мотивов среди раторов, достаточно справиться с «Общим указателем» в последнем издании «Контроверсий» (Winterbottom, т. II, стр. 638 сл., s. v. *parricida, disinheritance, s. v. fathers*). О том, что эти примеры были популярны и в цидероновское время, свидетельствуют примеры, приведенные в *Rhet. ad Her. I* (см. § 23 — казус, соединяющий мотивы матереубийства и наследования; § 17 и 26 — «дело» Ореста).

⁷⁷ Как это сделал четверть века спустя ученик Цицерона М. Целий. См. *Suet., De gramm. et rhet.* 26: «На него же (Плотия, знаменитого преподавателя Риторике. — *V. C.*) — ибо он жил очень долго — указывает Марк Целий в той речи, где он защищается от обвинения в насилие; он заявляет, что Плотий составил речь для Атрагина, Целиева обвинителя, но не упоминает его имени, а обзывает его ячменным ритором и издевается над его напыщенностью, пустотой и убожеством» (пер. М. Гаспарова).

⁷⁸ *Cic., P. Rosc. Am.* 35: *Criminis fictionem accusator Erucius susceperat; 42: crimen commenticium; 54: vere nihil potes dicere, finge aliquid saltem commode; 76: nihil horum ne confingi quidem potest et t. p.*

⁷⁹ Там же, 44: *Vides Eruci, quantum distet argumentatio tua ab re ipsa atque a veritate et t. p.*

⁸⁰ О новизне этого термина во времена Цицерона см. выше.

⁸¹ Ср. прямые обращения к Эруцию: § 38: «Какими, Эруций, ты думаешь доводами должен располагать обвинитель? Не обязан ли он... и т. д.»; 53: «Хотя тебе следовало... ведь и это обязанность настоящего обвинителя» и т. п. В этих поучениях перед нами многократно проходят все — уже знакомые нам по *Rhet. ad Her. I*, 16 (цит. выше) требования, сформулированные в риторических руководствах. Ср. § 45: «И не только что против нас ты готов говорить, но против природы вещей (*rerum natura*), и против людского обычая (*consuetudo hominum*) — ср. „mos“ „Риторике к Гереннию“ (— *V. C.*) и против всеобщего мнения (*opiniones omnium*)». Не обходятся в Цицероновых поучениях и «конкретно-логические» требования — ср. § 68: «...Отцовская ненависть, боязнь родительского наказания (ср. „consiliorum rationes“ „Риторике к Гереннию“), друзья-негодяи, рабы-сообщники (ср. „personarum dignitates“), подходящее время (ср. „spatia temporum“), удобное место (*locus opportune* — ср. „locorum opportunitates“)»; то же в § 62: «где (*ubi*), из какого расчета (*qua ratione*), чьими руками (*per quos*), в какое время (*quo tempore*)...» Цицерон прямо-таки вдалбливает в своего противника всю школьную премудрость, всю, так сказать, «таблицу умножения» риторике.

⁸² Например, § 55—57 (развернутое сравнение обвинителей с гусьями и собаками) или 61—72 (знаменитая декламация об отцеубийстве).

⁸³ *Cic., Or.* 107: «Под какие рукоплескания говорили мы в юности о каре отцеубийцам» (пер. М. Гаспарова).

красноречием, основывающемся на анализе конкретных фактов и обстоятельств⁸⁴; между двумя «образами действительности» — условно-риторическим (который, как показывает Цицерон, Эруцию так и не удается наложить на реальность) и жизненно-злободневным. Это — два разных мира, так что не только для услаждения слуха публики, но и просто для мотивировки перехода из одного мира в другой Цицерону нужно было сначала разбить Эруцию «на его территории», т. е. как риторика. Вторжение условно-риторического элемента в судебное дело и вторжение элемента реальности риторические «разборы» и «расцветки» — явления одного порядка, убедительно показывающие, что «замкнутость» условно-риторического мира была тоже своего рода условностью.

Итак, приведенные в этих заметках примеры, кажется, уже позволяют составить некоторое представление о Квинтилиановой *imago veritatis*⁸⁵ — образе реального мира в школьной риторике. Образ этот отнюдь не претендует на адекватность действительности. Это другой — условный — мир (сравнимый, скажем, с миром комедии), выстраиваемый из откровенно разнородных элементов, но по-своему единый: с излюбленными героями, характеристиками, нравами и ситуациями, со своим языком (собственная квазиридерическая терминология) и своими реалиями (присвоенными или вымышленными). Этот мир можно представить себе замкнутым, но, как мы уже могли заметить, он (как, впрочем, и всякий общественно воспринимаемый условный образ реального мира) обращен к изображаемой реальности и взаимодействует с ней, не только заимствуя у нее какие-то элементы, но и возвращая (Квинтилианово «*reddit!*»⁸⁶) их ей преобразованными для нового существования. Между миром и его образом устанавливается колеблющееся равновесие — своего рода пульсация, которая и дает образу жизнь. Она же служит основой для риторской игры с темой.

Но может ли сохранившийся условный образ дать нам что-нибудь для суждения о мире исторически уже утраченной реальности? Есть ли в самом созданном школьной риторикой образе мира какой-нибудь безусловно реальный элемент, который мог бы служить историку опорой и точкой отсчета?

Думается, что такая опора может быть дана нам самой природой риторики, для которой «характерно, что отношение к конкретному слушателю, учет этого слушателя вводится в само внешнее построение риторического слова»⁸⁷. При этом учет «конкретного слушателя» не только выражается в «композиционных формах», но проявляется «в глубинных пластах смысла и стиля»⁸⁸. М. Бахтин показывает, что «установка на слушателя есть установка на особый кругозор, особый мир слушателя», вносящая совершенно новые моменты в слово говорящего, который «пробивается в чужой кругозор слушателя, строит свое высказывание на чужой территории, на его, слушателя, апчерцептивном фоне»⁸⁹.

⁸⁴ Ср. С i с., De or. II, 99—100: «Прежде всего оратор должен, какие бы дела он ни взялся вести, тщательно и основательно в них разобраться. В школе такое предписание не дается; детям ведь предлагаются дела (*causae*) легкие: „Закон воспрещает чужестранцу всходить на стену; он взшел, отразил неприятелей; его обвиняют...“ Но вот на форуме — документы, свидетельства, договоры, соглашения, обязательства, родство, свойство, указы магистратов, заключения правоведов, вся жизнь, наконец, тех, чье дело разбирается — и все это должно быть разобрано» (пер. Ф. Петровского).

⁸⁵ См. выше, прим. 22.

⁸⁶ См. там же.

⁸⁷ М. Бахтин, Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, стр. 93.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, стр. 95. См. также ниже «Этот новый вид внутренней диалогичности слова отличается от того, который определенлся встречей с нужным словом в самом

Обрисованная здесь М. Бахтиным закономерность была хорошо известна античным теоретикам и практикам красноречия. «Приведи-ка мне человека, — писал Цицерон, — сколь хочешь ученого, сколь хочешь проныцательного и остроумного, сколь хочешь речистого, но если будет он незнаком с обыкновениями граждан, с примерами, с установлениями, с правами и желаниями сограждан своих, то не очень-то будут полезны ему те образцовые доказательства (*loci*), из которых заимствуются доводы»⁹⁰. Слушатель значил не меньше, чем само дело: «Или не понимаешь, о чем разбирается дело, перед кем разбирается?» («*Utrum quid agatur, non vides, an apud quos agatur*» — *Cic., P. Rosc. Am., 73*). И действительно, в любой речи Цицерона хорошо виден конкретный слушатель, определяющий собою весь характер и строй аргументации. Но что может дать установленность риторического слова на слушателя для понимания школьнориторического материала?

Прежде всего она помогает понять одну его специфическую особенность. *Воображаемый* слушатель воображаемой *actio*, в которой *будто бы* выступает ритор, подразумевается самой формой фиктивной речи, но не имеет конкретных черт. Он не существует ни как реальность, ни как образ. И вот, так как «установка на слушателя», на «апперцептивный фон понимания»⁹¹ — неотъемлемая принадлежность риторической речи, несуществующий слушатель *замещается* тем *реальным*, перед которым ритор говорит *в действительности*. Именно этот реальный слушатель вторгается в условно-риторический мир, именно его кругозор, сформированный реальной жизнью (не одной же школьной риторикой), оказывается тем апперцептивным фоном, на который установлена риторская речь, и который формирует в ней также и образ говорящего. Образ слушателя (и неотделимый от него образ говорящего) принадлежит обоим мирам: условному миру риторики и реальной культурно-исторической среде.

Итак, цельная и безусловная историческая реальность, присутствующая в текстах школьной риторики, существует — это образ слушателя с его исторически обусловленным кругозором (мировоззрением, усвоенными понятиями, социальной логикой и т. п.). Больше того, именно этот образ (а не просто формальные законы жанра) служит объединяющим началом, которое сводит в единое целое разнородные составные элементы условного мира риторики; тем началом, которым этот мир цементирован.

Следует, однако, учитывать, что роль слушателя в школьной риторике не такова, как в судебном или политическом красноречии, и активность апперцептивного фона иная. И это связано со спецификой декламации как особого рода риторической речи. Если в «нормальных» формах последней «убеждение» конкретного слушателя» очень часто «становится самодевушующей задачей»⁹², то здесь — среди прочих фикций — фиктивной становится и сама задача убеждения. «Тот, кто готовит декламацию, пишет не, чтобы победить, но, чтобы угодить (*non ut vincat, sed ut placeat*), — говорил Сенеке Старшему известный оратор Вотиен Монтан⁹³, — ...Ведь

предмете: здесь не предмет служит ареною встречи, а субъективный кругозор слушателя».

⁹⁰ *Cic., De or. II, 131: Nam si tu mihi quamvis eruditum hominem adduxeris, quamvis acrem et acutum in cogitando, quamvis ad pronuntiandum expeditum, si erit idem in consuetudine civitatis, in exemplis, in institutis, in moribus ac voluntatibus civium suorum hospes, non multum ei loci proderunt illi, ex quibus argumenta promuntur.*

⁹¹ Бахтин, ук. соч., стр. 94—95.

⁹² Там же, стр. 96.

⁹³ О нем см. также Та с., *Ann. IV, 42.*

успеха он хочет себе — не своему делу» (Contr. IX, pr., 1) ⁹⁴. Иной установке отвечал иной слушатель, иному слушателю — иной характер восприятия. Не заинтересованный (как и ритор) в сути дела (которой, собственно, и нет — есть пустая формула темы), слушатель участвует в привычной игре, терпеливо рассматривая словесные узоры ритора, подбадривая его время от времени аплодисментами ⁹⁵, не перебивая его и не мешая ему ⁹⁶. Не заинтересованный в исходе дела (которое, собственно, и не имеет исхода, даже фиктивного), он позволяет ритору придумывать себе сколь угодно глупых противников ⁹⁷, вольно обращаться с воображаемыми судьями ⁹⁸, оставляет безнаказанными ошибочные ходы риторов, «глупость которых ничего им не стоит» ⁹⁹. Воспитанные тепличной обстановкой школы, риторы на вольном воздухе форума оказываются беспомощными, «как вышедшие из закрытого полутемного места ¹⁰⁰ и ослепленные сверканием яркого света» (там же, 5) ¹⁰¹.

Конкретный пример всего наглядней покажет нам, как различались отношения между говорящим и слушателем в судебном красноречии и школьной риторике. Приведем рассказ Сенеки о том, как известный ритор Альбуций Сил потерпел неудачу в суде центумвиров. По ходу дела, которое он вел, зашла речь о том, что противная сторона давно предлагала клятву как средство решения спора. Альбуций и воспользовался этим как случаем, чтобы попрекнуть противника всем, в чем того обвиняли. «Угодно тебе, — сказал он, — порешить клятвою дело. Клянись же, но клятвой, какую предложу тебе я. Клянись прахом твоего отца, что остался без погребения, памятью отца твоего клянись...» и так далее — всю тираду (*et executus est locum*). А когда он ее закончил, поднялся от другой стороны Луций Аррунций и сказал: «Мы принимаем условия, клятва будет дана». Альбуций — в крик: «Никакого условия я не предлагал, это была такая фигура речи (*schema dixi*)». Аррунций настаивал. Центумвиры заторопились, их заседание уже шло к концу. Альбуций кричал: «Да так все фигуры речи исчезнут с лица земли»; Аррунций в ответ: «И пускай — без них проживем». Исход дела был таков: центумвиры

⁹⁴ «А потому, — продолжает Монтан, — он изыскивает всяческие приманки; доводы — за их трудность и неприкрашенность — он забрасывает; он очаровывает слушателя сентенциями, развернутыми описаниями и тем доволен» (Contr., IX, pr., 1).

⁹⁵ Там же, 2: *Quid quod laudationibus crebris sustinentur et memoria illorum certis intervallis quiescere?*

⁹⁶ «Добавь, что их память не перебивается ничьим вмешательством, никто не смеется, никто с умыслом не противоречит, все лица вокруг им знакомы» (там же, 3 — здесь, как и во всех цитатах из Contr. IX, pr., говорит Вотин Монтан). Ср. рассказ Кассия Севера о том, как он перебил Цестия Пия (Contr., III, pr., 16): «Помню, когда я зашел в его школу, когда он собирался декламировать против Милона. Цестий разглагольствовал с обычным самолюбованием: „Будь я гладиатором, был бы Фусием; будь я пантомимом, был бы Батиллом, будь конем, был бы Мелиссионом“. Я не сдержал желчи и выкрикнул: „Будь ты клоакой, был бы Большою!“ Раздался громкий смех; школяры уставились на меня, что, мол, за грубый невежа. Цестий, который намеревался отвечать Цицерону, не нашелся ответить мне, но отказался продолжать, если я не выйду из помещения».

⁹⁷ «Accedit etiam illud, quod adversarios quamvis fatuus fingunt: respondent illis et quae volunt et cum volunt» (Contr. IX, pr., 2).

⁹⁸ «In foro partem accipiunt, in schola eligunt, illic iudici blandiuntur, hic imperant» (там же, 5).

⁹⁹ «Praeterea nihil est quod errorem aliquo damno castiget; stultitia horum gratuita est» (там же, 2).

¹⁰⁰ «Ex umbroso... loco» (там же, 5), ср. Петрониево «umbraticus doctor» (Sat. II). Комнатная «тьма» была символом школы.

¹⁰¹ Недаром знаменитый декламатор (и друг автора «Контroversий») Порций Латрон, взявшийся защищать в суде близкого ему человека, вообще не смог говорить вне стен и без крыши над головой и не раньше собрался с силами, чем добился переноса процесса с форума в базилику (Contr. IX, pr., 3).

постановили, что решают дело в пользу Альбуциева противника, если тот поклянется; тот поклялся» (Contr. VII, рг., 7). Ритор такого поношения не перенес. Он никогда больше не выступал в суде и привык повторять: «Чего ради мне говорить на форуме, когда дома меня слушает больше народу, чем иного на форуме» (там же, 8). И этот слушатель уже не мешал ему неуместной заинтересованностью в исходе дела. «Когда хочу, говорю; говорю, сколько хочу, выбираю сторону, какую хочу» (там же).

Из приводимых нами цитат, конечно, не следует, что слушатель риторов равнодушен был ко всему. Мы знаем его и, так сказать, живые — по критическим замечаниям Сенеки. Он строго порицает дурной вкус (cacozelia, corrupte dicta), нарушение приличия (obscenitas et verborum et sensuum), всякого рода нелепости (insania, stultitia, fatuitas). Несколько примеров их мы уже видели¹⁰², можно привести и еще. Сюда относятся и «противоестественные» (extra naturam) метафоры или сравнения¹⁰⁴, и «бессмыслицы» (sine sensu dicta), вставленные «для соблюдения ритма» (ut impletur numerus)¹⁰⁵, и абсурдные трактовки темы¹⁰⁶ и украшения речи, вредящие смыслу (non corruptum tamen, sed contrarium)¹⁰⁷, неуместное (тоже в своем роде «противоестественное» применение исторического материала¹⁰⁸ и просто глупости¹⁰⁹.

Конечно, слушатель не только судил риторские погрешности, но и сам побуждал к ним (своими вкусами или составившимся у ритора представлением об этих вкусах и т. п.¹¹⁰). Но в любом случае такие погрешности,

¹⁰² Хотя и его вкус не всегда безупречен — см. ниже, прим. 110.

¹⁰³ См. выше, прим. 63.

¹⁰⁴ Типа: «возвращают дождь небу» (о водометах), «чечаненные леса» (о садово-парковом искусстве) и т. п. (Contr. X, рг., 9). Более пространный пример: «Всякую птицу, что летает, всякую рыбу, что плавает, всякого зверя, что бродит, мы погребаем в наших желудках. Так спрашивать ли еще, почему это смерть застает нас врасплох, — смертями живем» (там же).

¹⁰⁵ Ср. IX, 2,27: «И этот тетраколон: „Прислуживал форум спальные, претор блуднице, застеноч ширю, день ночи“. Последняя часть сказана без смысла — просто, чтобы соблюсти ритм. Что это, собственно, значит „Прислуживал день ночи“?».

¹⁰⁶ Так, в IX, 6, где речь идет о мачехе, обвиненной в отравлении пасынка, некоторая под пыткой назвала сообщницей свою дочь (сводную сестру умершего), некоторые риторы изображают эту дочь ребенком, забывая, что в таком случае она не могла быть обвиняемой в суде (согласно теме, отец защищает дочь в суде). Сенека приводит целую серию разработок этого мотива: «„Дай брату яд“ — „Мама, а что такое яд?“» (у Цестия), «„Я даю твоему брату яд“ — „Мама, и мне дай“» и т. п. (§ 10—11 и сл.). «Что может быть абсурднее, чем мать, говорящая дочери: „Я даю твоему брату яд“?» — спрашивает Сенека.

¹⁰⁷ Ср. X, 4 («Нищие-калеки»), 23: «„У тебя самого больше членов, чем оставлено тобой этим людям“. Но ведь обвиняемый в том только случае может выглядеть вредящим республике, если искалеченные многочисленны. А выходит, что их немного, если у него больше членов, чем он оставил калекам».

¹⁰⁸ Пример можно привести из «Свасорий» (2, 22): «Туск... декламируя эту свасорию (о спартанцах, ожидающих Ксеркса у Фермопил. — В. С.), сказал: „Будем, по крайней мере, надеяться, что заносчивый варвар не сможет сказать: Пришел, увидел, победил“; но ведь эти слова сказаны были спустя много лет божественным Юлием по победе над Фарнаком».

¹⁰⁹ Примеры — из Contr. X, 5 («Паррасий» — о художнике, замучившем насмерть натурщика, купленного при распродаже олинфян в рабство): «Но, если хотите наказать глупость, какую не превзойти, то Лициний Непот сказал: „Хотите наказать Паррасия по заслугам? Пусть пишет себя самого“. Ничуть не умнее сказал некий Эмилиан, греческий ритор (род дураков, любезнейший всем), убогий до глупости: „Убийте Паррасия, а то он, когда захочет писать, найдет себе образец среди вас“» (§ 24—25).

¹¹⁰ Когда Цестиева трактовка темы IX, 6 (см. выше, прим. 106) была высмеяна Мурредием (у которого отец говорит девочке: «Прими вид человека, подвергающегося опасности осуждения: заплачь, протяни руку к коленям судьи, ты теперь обвиняемая», опасаясь осуждения: заплачь, протяни руку к коленям судьи, ты теперь обвиняемая») — § 12), Цестий стал говорить: «Теперь я вижу, что моя сентенция не к месту, но многое я говорю не потому, чтобы мне это правилось, а потому, что это должно понравиться слушателям» (там же). Ср. Suas.

как видно по замечаниям Сенеки, оказывались в сфере слушательского обсуждения. Это дополняет образ слушателя, отраженный в самом тексте декламаций, помогает представить себе характер его восприятия, уровень его понимания, направленность интересов и т. п. Мы видим, что слушатель р и т о р о в был равнодушен прежде всего именно к тому, что составляло живой нерв о р а т о р с к о й речи: к существу дела и интересам сторон, а в конечном счете и вообще к жизненным интересам¹¹¹. Поэтому он и не похож ни на эмоционально возбудимого переменчивого слушателя Цицерона, ни на судебного противника, всегда готового поймать на слове, ни даже на торопящихся домой судей-центумвиров. Его «цениТЕЛЬСКИЙ» взгляд более стабилен, но и гораздо более вял.

Можно сказать, что «чужая территория», на которой, по выражению М. Бахтина¹¹², строит свое высказывание говорящий, здесь не враждебна и не союзна ему — она нейтральна. «Слушательский кругозор» в школьной риторике определяет не конкретный стратегический замысел говорящего (всегда столь увлекательный в адресованной конкретному слушателю аргументации Цицерона), а самые общие — единые для всех — условия игры. Апперцептивный фон отражает здесь прежде всего самые общие места слушательского сознания — систему привычных ему представлений. Это сказывается и в стилистическом пласте речи, обуславливая обилие (если не преобладание) риторических общих мест и известное единообразие стиля¹¹³. «Нейтральный» апперцептивный фон школьной риторики относительно пассивен (в отличие от агрессивного апперцептивного фона судебного или политического красноречия). Он не кричит о себе, и разглядеть его труднее. Попытка выделить в тексте декламации элементы, относящиеся к апперцептивному фону (или соотнесенные с ним), и будет попыткой восстановить фон исторический, — конечно, не во всей его конкретности, но в виде схематизированного образа «усредненного» самосознания эпохи. При очевидной бедности конкретным содержанием, образ этот для историка важен — и не только в связи с историей социальной психологии и т. п., но и потому, что он мог бы помочь высветить в материале источников детали, малозаметные для взгляда из другой исторической эпохи.

Этим значение памятников школьной риторики как исторического источника, конечно, не исчерпывается. Мы уже видели, что реалии (исторические, юридические и т. п.), несмотря на отсутствие у риторов специального интереса к ним, могли входить и в какой-то мере входили в пестрый состав элементов, из которых строился условно-риторический мир. Мы видели, какие элементы декламации («разборы», «расцветки») чаще приносили в нее жизненный материал. Разумеется, выделить этот материал — всякий раз дело конкретного анализа.

Наконец, коль скоро речь у нас идет не просто о школьной риторике, но именно о «Контroversиях» Сенеки, нужно сказать и о том, что дает историку «авторский» слой этого сочинения: воспоминания и т. п. Сосредоточенный прежде всего в предисловиях к отдельным книгам, этот материал своеобразным контрапунктом проходит и сквозь весь текст памятника, непринужденностью изложения давая впечатляющий контраст к выдерж-

1, 16 (Сенека обращается здесь к сыновьям): «Ведь вы, может статься, больше похвалите тех, кто говорит глупости».

¹¹¹ Ср. характеристику некоего ритора: «Среди школяров — здравомыслящий, среди здравомыслящих — школяр» (Сонтр. I, 7, 15) или многочисленные анекдоты о школярах в сборнике «Филогелос».

¹¹² Цит. выше, прим. 89.

¹¹³ Ср. К е п е d у, ук. соч., стр. 321: «Литературный стиль декламаций, цитируемых Сенекой, показывает некоторые вариации, хотя и незначительные».

кам из раторов. Удивительна серия легко очерченных портретов «риторов и ораторов», многие из которых известны нам по упоминаниям у Тацита и других историков. С необычной для античного автора живостью Сенека доносит до нас интонации своих современников. Можно сказать, что только здесь — в сочинении о риторике — живые характеры эпохи предстают перед нами без риторических котурнов.

ROMAN SCHOOL RHETORIC IN THE AUGUSTAN AGE
AS HISTORICAL SOURCE MATERIAL

V. M. Smirin

The purpose of the article is to indicate the cultural value of the elder Seneca's *Controversiae* and its special qualities as historical source material. The author discusses the image of the world (*imago veritatis*), taking his examples from facts and fictions of a historical and legal bearing. The heterogeneous elements out of which this world image is constructed are reduced to unity by the image of the audience, which corresponds to the actual audience of the rhetoricians and whose mental horizons were historically determined.
